

Г. В. Зыкова

САМИЗДАТСКОЕ «МНЕНИЕ АВТОРА» Н. И. ГЛАЗКОВА КАК ОДНО ИЗ ВОЗМОЖНЫХ СТИХОВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ РАННЕГО И. А. БРОДСКОГО

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Имена Бродского и его старшего современника, москвича Николая Ивановича Глазкова очень редко упоминаются рядом: и это понятно, слишком уж явно отличается нарочитый примитивизм «содержания» стихов Глазкова от столь же демонстративно «усложненных» семантически стихов Бродского. Среди того небольшого общего, что их все-таки объединяет, — свойственное их эпохе в целом творческое внимание к Маяковскому (у Глазкова, впрочем, гораздо более очевидное, чем у Бродского). В сущности, почти что единственный известный сведший Глазкова и Бродского (под одной обложкой) литературный сюжет — публикация стихов их обоих в первом самиздатском альманахе, «Синтаксисе» А. Гинзбурга (правда, в разных выпусках).

Известно, однако, что, судя по высказываниям ровесников и младших современников Глазкова, его творчество в 1950–1960-х годах некоторыми читателями и особенно коллегами воспринималось как явление очень важное и, видимо, существенно и в разных отношениях повлияло на поэзию «бронзового века». Однако сколько-нибудь внятного описания этого влияния, его природы и границ, объяснения причин восторженных отзывов, кажется, не предлагалось; обычно дело ограничивается указанием на то, что Глазков оказался живым связующим звеном между футуристами и «бронзовым веком», что свободному духу его неподцензурного творчества соответствовала свободная речь, интонационно близкая к устной, и что эстетический девиз Глазкова: «самое хорошее в том, что покороче» — оказался очень близок минималистическим тенденциям нового авангарда и вообще важному для андеграунда отращиванию к риторике. Эти справедливые положения хотелось бы по возможности конкретизировать. Однако это трудно сделать уже потому, что мы до сих пор плохо представляем себе

и объем корпуса текстов Глазкова, и действительный масштаб бытования самиздатского Глазкова.

Глазков, по собственному свидетельству, придумавший слово «самиздат» «еще в сороковом году», в 50–70-х регулярно делал машинописные книжки, нумеруя их, обозначая на титуле «выходные данные»: Москва, «Самсебяиздат», год — и составляя их иногда из стихов разных лет, иногда целиком посвящая книгу стихам определенного периода. Однако существующие издания Глазкова лишь в очень незначительной степени, насколько можно понять, учитывают авторские попытки составить корпус, — возможно, потому, что эти попытки приходится в основном на годы, в творческом отношении для Глазкова, как принято считать, не самые удачные. Насколько удалось понять, до сих пор не собрана даже полностью — из объектов, хранящихся в разных собраниях, — хотя бы виртуальная полная коллекция «самсебяиздатских» нумерованных книг, нет описи, из которой можно было бы понять, все ли части авторского свода до нас дошли; а желательно было бы (и это вполне осуществимо) собрать и сделать доступным хотя бы для исследователей весь глазковский «самсебяиздат» в электронном виде. Воли автора это бы не нарушило: «самсебяиздат» и был публикацией, хотя и особенного типа. Учитывать состав книжек «самсебяиздата» необходимо если и не для расширения глазковского «канона», то хотя бы для датировки его стихов (насколько можно судить по существующим изданиям, даты создания очень многих текстов не уточнены).

Глазковский «самсебяиздат» в РГАЛИ — это, судя по каталогу, только две «тетради», 5 и 10, 1945 и 1955 годов («книги?»), в фонде Д. Самойлова; поверить в такую бедность трудно: скорее всего, не все материалы еще описаны. Фонд Глазкова в РГБ [РГБ. Отдел рукописей. Фонд 859. Глазков Н. И.] содержит сборник, включающий «Первую» и «Вторую» книгу стихов (артефакт 1960 года); «Седьмую книгу стихов» (1948–1949, артефакт 1952); «Книгу девятую» (1949, артефакт 1961), «Девятую книгу» (так! 1954; вообще «самсебяиздатские» нумерованные авторские книги не представляют собой хронологически последовательной презентации текстов, с определенного момента Глазков, видимо, начинает ставить рядом стихи разных лет, и сами попытки составить корпус порождают ряд разных версий корпуса); самое большое (но не полное) собрание авторских книг Глазкова находится в Архиве Исследовательского центра

Восточной Европы (Бремен) [Архив Исследовательского центра Восточной Европы (Бремен). Ф. 20. Личный фонд Н.И. Глазкова].

Исследователи Глазкова, цитируя, например, не печатавшиеся «гуттенберговским» образом, но публиковавшиеся в «самсебяиздате» стихи, иногда ссылаются на частное семейное собрание [Kolchinsky, 2001]. Между тем значительная часть глазковских самодельных книжек более доступна, чем принято думать: кроме очевидных, названных выше, но не очень богатых соответствующими материалами РГАЛИ и РГБ стоит иметь в виду собрания Литературного музея в Москве и в особенности фонды Мытищинского историко-художественного музея: Глазков с 1954 по 1979 год жил в Мытищах на даче (музею были подарены, соответственно, относительно поздние книги, сделанные в 1960–1970-х, например, «Книга 10» со стихами 1950 года, изготовленная в 1976 (выше была названа «тетрадь 10» в собрании Д. Самойлова — с другими датами); «Книга 17» со стихами 1957 года, изготовленная в 1963; «Книга 27» со стихами 1967 года, изготовленная в 1968, и др.).

В личном архиве поэта Вс.Н. Некрасова, лианозовца в начале 1960-х и концептуалиста в 1970-х, есть свое собрание «самсебяиздата» Глазкова: обращение к этому собранию может быть полезно для текстолога, занимающегося наследием Глазкова (в том числе и в эдиционных целях), и, кроме того, оно позволяет в некоторой степени уточнить наши представления о влиянии Глазкова на младших коллег.

Со стихами Глазкова, по свидетельству Некрасова, его познакомил школьный друг А. Русанов в 1953 или 1954 году (тот же Русанов немного позже познакомит Некрасова с А. Гинзбургом и будет участвовать в подготовке «Синтаксиса»; кстати, экземпляр машинописи с поэмой Русанова «Глазковиана» есть в Мытищинском музее), и они произвели на Некрасова сильное впечатление, которое он считал оправданным и о котором охотно вспоминал и в 1990–2000-х (о личности самого Глазкова, которого несколько раз видел, напротив, Некрасов говорил очень неохотно, не любя демонстративной богемности).

В собрании Некрасова сохранились, во-первых, печатные книги Глазкова, где рукой владельца вписаны недостающие строфы в изуродованные редактурой или автоцензурой редакции («Физик, что такое скорость...» и «Вступление в поэму» — в сборнике «Пятая книга» 1966 года; «Мужик» (т. е. «Примитив» — в сборнике «Большая Москва» 1969 года;

в устных разговорах Некрасов объяснял, как и почему деформировался в печати авторский текст Глазкова, уцелевший в «самсебяиздате»).

Возвращаемся к Бродскому. В собрании Некрасова сохранилась, в частности, машинописная «Книга двадцать первая», имеющая следующие выходные данные: «Стихи 1961. Москва — 1961 — Самсебяиздат», и в ней, в частности, есть стихотворение, нигде, насколько нам известно, не воспроизводившееся, — эстетически неровное, как часто бывает у Глазкова, но с началом, интонационно не только напоминающим, а почти что предсказывающим очень узнаваемую интонацию Бродского, сложившуюся к середине 60-х, ко временам «Остановки в пустыне». Приведем эти стихи полностью:

Мнение автора

Машины громыхают на ухабах,
Водители ругаются при бабах
Довольно нецензурно по причине
Плохих дорог. Фабричные отходы
Упорно обезрыбливают воды.
Вновь недоубран хлеб на целине.

В Абхазии плохие рестораны,
А, например, в Тамани нету бани,
И моются станичники в Керчи.
Везут Камчатке паровозы уголь,
Хотя давно доказано наукой,
Что там текут горячие ключи.

Стоит большая очередь за гречей,
И, говорят, не может быть и речи
О том, чтобы крупы хватило всем.
И, говорят, нет масла в Ашхабаде,
А в это время вдумчивые дяди
Работают в ЦК ВЛКСМ.

Стихи читают автора Глазкова
И ищут: нет ли в них чего такого?
А вдруг в стихах тех что-нибудь не так?
Они с поэтом в общем не согласны...
Товарищи! Вы трудитесь напрасно!
По-моему, мои стихи — пустяк!

Пусть книга выйдет в свет, и тот, кто любит
Стихи Глазкова, сборник мой раскупит!
Хочу, чтоб книга пользу принесла!..
Вы надо мною не мудрите очень,
А устремите ваши полномочья
На более серьёзные дела!

От будущего Бродского здесь пятистопный ямб с пиррихиями и переносами, с характерным распределением сильных позиций, строфичность, серия женских клаузул, преобладающих над мужскими, — черты стиха, отмечавшиеся исследователями Бродского как некая редкость на фоне типичного ямба его времени. Не рискуя утверждать, что это внезапное сходство позволяет нам со всей определенностью говорить о круге чтения Бродского или о распространенности самиздата Глазкова, заметим все же, что оно по крайней мере позволяет нам уточнить представления о стиховом фоне времен раннего Бродского.

Литература

Kolchinsky I.E. The Revival of the Russian Literary Avantgarde: The Thaw Generation and Beyond. München: Verlag Otto Sagner, 2001.